

УДК 165.0; 165.12
DOI: 10.17223/1998863X/34/12

А.Ю. Моисеева

ЧТО НАМ ДАЕТ КОНЦЕПТУАЛЬНО-РОЛЕВАЯ СЕМАНТИКА?

Концептуально-ролевая семантика представляет собой подход к исследованию интенциональных ментальных состояний, основанный на представлении о лингвистической природе мышления. Обсуждается способность концептуально-ролевой семантики дать приемлемый критерий содержательности функциональных состояний, а также некоторые преимущества и трудности, возникающие у нее при описании самого ментального содержания.

Ключевые слова: интенциональность, ментальное содержание, концептуальная роль.

Как известно, в философии сознания для обозначения специфического свойства некоторых ментальных состояний «отображать» что-то или «указывать» на что-то используется термин «интенциональность». К ментальным состояниям, обладающим интенциональностью, принято относить, по крайней мере, то, что в обыденном языке называется мыслями. Высказывания о таких состояниях имеют структуру сложноподчиненного предложения, где подчиненное предложение описывает некоторую мыслимую ситуацию и управляется когнитивным глаголом, выражающим модальное отношение между субъектом и этой мыслимой ситуацией. Когнитивными являются глаголы «знать», «полагать» (то же, что «быть убежденным»), «желать», «сожалеть», «надеяться», «опасаться» и т.п. Саму мыслимую ситуацию, описываемую подчиненным предложением, условимся называть содержанием соответствующего интенционального состояния или, проще, ментальным содержанием. У этого термина есть и другие употребления, но мы оставим их в стороне.

На первый взгляд, концепция интенциональности достаточно ясна, однако по сей день не найдено удовлетворительного ответа на простой вопрос: *каковы критерии признания кого-либо (или чего-либо) носителем интенциональности?* В связи с этим вопросом можно вспомнить различие между первичной и производной интенциональностью, на котором настаивает Дж. Серл. Как он утверждает, машина отличается от человека именно тем, что любая интенциональность, которая может быть ей приписана, является производной от интенциональности человека, тогда как интенциональность самого человека не производна ни от чего — она первична [1]. От одной работы Дж. Серла к другой определение первичной интенциональности несколько разнится, однако в целом можно заключить, что первично интенциональными он считает такие состояния, в структуре которых содержится предположение о существовании внешнего мира и о каузальной связи между ним и самими этими состояниями. Иначе говоря, содержание интенционального состояния является таковым в первую очередь для самого субъекта.

Данная позиция неоднократно и, по-видимому, заслуженно критиковалась функционалистами, но проблема первичной интенциональности не ка-

жется такой, от которой можно просто отмахнуться, указав на несовершенство ее постановки. Даже если, как полагает, например, Д. Деннет [2], ментальное содержание есть не более чем результат применения нами некоторой теории ментального к себе самим, нельзя отрицать, что это содержание играет заметную роль в функционировании нашей собственной психики. Так, мы осуществляем целенаправленную познавательную активность, обнаружив, что обладаем двумя противоречащими друг другу убеждениями, поскольку полагаем, что лишь одно из них соответствует действительности, и от того, узнаем ли мы, какое именно, может зависеть успешность наших действий в будущем. Мы осуществляем целенаправленное планирование, обнаружив, что обладаем двумя противоречащими друг другу желаниями, поскольку полагаем, что импульсивное следование то одному, то другому из них неэффективно. И т.д. Не обязательно утверждать, что невозможна машина, которая делала бы то же самое, однако машины, которые этого не делают, по-видимому, не имеют состояний, функционально изоморфных интенциональным состояниям человека. Поэтому проблему критерия содержательности ментальных состояний в данном смысле слова «содержательность» следует считать одной из основных проблем философии сознания.

Представляется, что концептуально-ролевая семантика (КРС) способна дать приемлемый способ решения данной проблемы. В настоящее время КРС представляет собой группу достаточно разнородных теорий, объединенных общим подходом к решению семантических проблем. В своем наиболее последовательном воплощении этот подход представляет собой сочетание функционализма с дескриптивным репрезентационизмом и предполагает, что содержательное мышление осуществляется посредством так называемого внутреннего языка. Под внутренним языком понимается множество ментальных репрезентаций, структурно связанных друг с другом так, что эта связь определяет содержание интенциональных ментальных состояний и каузальную связь между этими состояниями в процессе рассуждения. Содержание каждой отдельной ментальной репрезентации определяется совокупностью этих связей, которая называется *концептуальной ролью* этой репрезентации. Соответственно, содержание интенционального состояния определяется концептуальной ролью некоторого «предложения» внутреннего языка. Главное отличие концептуальной роли от функциональной состоит в том, что последнюю определяют также «бессодержательные» психологические причины и следствия. Например, ухудшение когнитивных способностей студента на экзамене может быть следствием опасения, что он «провалится», однако связь между этими двумя вещами не имеет ничего общего с рассуждением. Если бы изменение когнитивных способностей подчинялось логике рассуждения, следовало бы скорее ожидать обратного эффекта.

С точки зрения КРС любое понятие несет в себе ту или иную информацию об объективной реальности. «Предложения» внутреннего языка или пропозиции, которые они содержат, могут быть истинными или ложными. Но помимо этого можно рассматривать ментальное содержание в узком смысле – тот самый способ указания на истинностное значение, который накладывает известное ограничение на действие принципа подстановочности тождественного в интенциональных контекстах. Ясно, что ментальное содержание

в узком смысле полностью определяется концептуальной ролью. Что касается условий истинности, то некоторые авторы также включают их в понятие ментального содержания и, таким образом, признают ментальное содержание определяющимся, в конечном счете, двумя независимыми факторами: референцией и концептуальной ролью [3]. Другие считают, что это один фактор, и расширяют соответствующим образом понятие концептуальной роли [4]. Третьи полагают, что проблеме ментального содержания вообще не следует связывать с проблемой референции [5. Р. 44]. Но так или иначе, понятие концептуальной роли позволяет описать интенциональные ментальные состояния с другой позиции, чем понятие условий истинности – с позиции, в большей степени соответствующей задачам философии сознания. Разумеется, понятие концептуальной роли не может объяснить происхождение первичной интенциональности в серловском смысле, но от него этого и не требуется. Вполне достаточно того, что оно может помочь в описании этого феномена. При этом для применения концептуально-ролевого анализа, строго говоря, не обязательно даже быть реалистом относительно ментальных репрезентаций. Можно считать, что ментальное содержание в узком смысле определяется второпорядковыми свойствами самих ментальных состояний, которые должны пониматься как пропозициональные установки.

С точки зрения философии языка КРС представляет собой расширение теории значения как употребления. В качестве таковой она сталкивается с теми же трудностями, которые были замечены еще Л. Витгенштейном, в первую очередь, с *проблемой следования правилу*. Для философии языка базовым принципом является то, что взаимопонимание между говорящими возможно, только если слова имеют более или менее постоянные значения. Этот принцип можно распространить и на мышление. Действительно, предпосылкой для доверия любого рационального субъекта к собственным выводам должно быть предположение, что понятия, в которых он мыслит, не меняют своего содержания внезапно и непредсказуемо. Именно поэтому мы можем ретроспективно утверждать, что в одном случае применяли понятия правильно, а в другом случае ошибались. Но правила как таковые, по видимому, не представлены в нашем сознании и не могут быть познаны интроспективно. Имеется лишь память о конечном количестве случаев употребления, которые могут быть подведены под правило более чем одним способом – для пояснения данной идеи обычно используют пример С. Крипке со значением слова «плюс» [6]. В итоге даже мы сами оказываемся не в состоянии обосновать свою уверенность в том, что руководствуемся одним правилом, а не другим и что вообще руководствуемся каким-то правилом. Как справедливо замечает С. Крипке, такой вывод «ненормален и непереносим» [6. С. 60]. На сегодня единственный способ избежать этого вывода, найденный в рамках КРС, состоит в том, чтобы отрицать саму необходимость в правилах. Содержание понятия предлагается трактовать как множество различных способов его употребления в зависимости от контекста, между которыми существуют отношения, называемые Л. Витгенштейном семейным сходством. Подобные идеи высказывают, например, Н. Блок и Г. Харман. Конечно, без дополнительных пояснений эту точку зрения трудно осмыслить, поскольку остается вопрос: как убедиться в существовании такого сходства, не ука-

зывая формального критерия его установления, т.е. опять же правила? Вместе с тем ссылаясь на контекст, с интуитивной точки зрения, представляется оправданной, даже если она сама по себе не решает проблему.

Другой трудностью для КРС является обоснование принципа композициональности. Предположение, что ментальное содержание является композициональным, общепринято и почти тривиально. Например, мы склонны полагать, что убежденность в предложении «Джо знаком с Джеком» имеет то же содержание, что и убежденность в предложении «Джек знаком с Джо». Однако с точки зрения КРС это не обязательно, поскольку содержание понятия «быть знакомым» может меняться в зависимости от того, к кому оно применено. Некоторые считают, что выход из данного затруднения состоит в том, чтобы постулировать в рамках КРС нечто вроде дистинкции между аналитическим и синтетическим, т.е. разграничить те формальные переходы, которые являются определяющими для содержания, и те, которые не являются таковыми [7]. Между прочим, подобное разграничение могло бы обеспечить также и некоторое постоянство содержаний. Неясно лишь, как можно определить понятие аналитичности, не используя понятия значения и содержания, ведь в противном случае в определениях наличествовал бы круг. Несомненно, вопрос заслуживает отдельного исследования, и в англоязычной философии уже предпринимаются некоторые шаги в эту сторону.

Принимая во внимание все сказанное, следует тем не менее признать, что КРС обладает большим потенциалом для решения некоторых специфических семантических проблем. В качестве примера можно привести *проблему интерпретации индексикалов*: понятий «я», «этот», «сейчас» и т.п. В классической семантике значение индексикалов можно установить лишь посредством трансляции их в понятия, которым присуща онтология «от третьего лица». Скажем, убеждение «Я мыслю» означает, что Декарт мыслит, в том случае, когда этим убеждением обладает субъект, идентифицирующий себя с помощью имени «Декарт». Но предположим, что мы имеем дело с субъектом, который в данный момент не знает ни одного способа идентифицировать себя с помощью внешних признаков. (Например, он только что пробудился от наркоза и еще не помнит ничего о себе.) Следует ли отсюда, что его убеждение имеет неопределенное содержание или не имеет содержания вовсе? Очевидно, нет, поскольку никто – по крайней мере, ни один здравомыслящий взрослый – не может потерпеть неудачу в осуществлении референции к себе самому. Если когда-то он употреблял местоимение «я» в речи так, что окружающие его понимали, то не мог «разучиться» это делать в силу одного того факта, что его прошлые критерии самоопределения сейчас не действуют. И уж во всяком случае, услышав высказывание «Я мыслю» от кого-то из окружающих, мы всегда можем интерпретировать его весьма просто – сформировать убеждение, которое выражается в нашем собственном внутреннем языке предложением: «Этот человек сказал: "Я мыслю"». В дальнейшем из него можно вывести такие убеждения как «Этот человек сказал, что он мыслит» и «Декарт сказал, что он мыслит», однако эти трансформации будут производиться уже в рамках нашего собственного внутреннего языка с использованием свойственных нам самим критериев определения говорящего. А если так, почему бы не использовать эти критерии непосредственно для

установления значения его слов? Идея кажется вполне разумной. Похоже, что мы способны восполнять некоторые недостатки в языковых компетенциях друг друга и именно поэтому иногда понимаем, что же собеседник имел в виду, даже если он сделал ошибку в речи.

В связи с КРС интересно рассмотреть еще и вопрос о том, *что представляет собой логическая форма мысли*. Есть сильное впечатление, что здесь достижима такая ясность и простота объяснений, на которую в рамках классической семантики трудно было бы надеяться. К примеру, исходя из КРС, чтобы быть убежденной в предложении «Если камаэли имбы, и все имбы нерфят, то камаэлей обязательно понерфят», мне вовсе не требуется знать референцию слов «камаэль», «имба» и «нерфить». Достаточно уметь пользоваться связками «и», «если... то...». Разумеется, для формирования этого убеждения нужно, чтобы я оказалась в ситуации, с которой оно некоторым образом соотносится, скажем, почитала бы форум по игре LineAge 2, но это очень слабое требование по сравнению со знанием референции. Более того, подобный факт сам по себе может быть истолкован как формирующий мои понятия о камаэле, имбе и нерфе. Понимая концептуальную роль таким расширительным образом, можно считать внутренний язык открытой системой и исследовать с помощью КРС не только отношения между понятиями этого языка, но также отношения между понятиями и сенсорными стимулами, с одной стороны, и между понятиями и поведением, с другой стороны.

Литература

1. Серл Д. Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: Дом интел. книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
2. Dennet D.C. Fast Thinking // The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 324–337.
3. Loar B. Must Beliefs Be Sentences? // Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1982. №2. P. 627–643.
4. Harman G. Beliefs and Concepts: Comments on Brian Loar, «Must Beliefs Be Sentences?» // PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. 1982. Vol. 2: Symposia and Invited Papers. P. 654–661.
5. Field H. Mental Representation // Erkenntnis. 1978. Vol. 13. P. 9–61.
6. Крунке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.
7. Block N. Semantics, Conceptual Role // The Routledge Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/semantics-conceptual-role> (дата обращения: 03.06.2015).

Moiseeva Anna Y. Institute of philosophy and law of the Siberian branch of the RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/12

WHAT DOES CONCEPTUAL-ROLE SEMANTICS GIVE US?

Keywords: intentionality, mental content, the conceptual role

Conceptual role semantics (CRS) is an approach to investigate intentional mental states basing on the idea of linguistic nature of thinking. The matters discussed in this paper are the ability of CRS to provide an acceptable criterion for the content of functional states and also some advantages and difficulties that occur when CRS is used to describe mental content itself. The problem of criterion for the content of functional states is closely connected with the problem of differing intrinsic and derived intentionality, in Searle's terms. CRS does not explain genesis of intrinsic intentionality but gives some account of it by analyzing so-called conceptual roles. The main assumption of CRS is that thought has content because it consists of concepts, each of which have syntactic and semantic properties that is supposed by the subject himself to be stable enough to use this concept in reasoning. Being

the extension of the theory of meaning in use CRS is faced to the characteristic problems of this theory, such as the rule-following problem and the problem of grounding the principle of compositionality. The ways to solve them are barely outlined at best. For all that CRS seems to be able to cope with some other problems better than classical semantic theory. Specifically, it provides more plausible way to interpret indexical concepts and gives simpler account of the logical form of thoughts.

References

1. Searle, D. (1998) *Mozg, soznanie i programmy* [Brain, Consciousness and Programs]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: The establishment and development]. Moscow: Progress-Traditsiya. pp. 376-400.
2. Dennet, D.C. (1987) *Fast Thinking. The Intentional Stance*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 324–337.
3. Loar, B. (1982) Must Beliefs Be Sentences? *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 2. pp. 627–643. DOI: 10.1086/psaprocbienmeetp.1982.2.192448
4. Harman, G. (1982) Beliefs and Concepts: Comments on Brian Loar, “Must Beliefs Be Sentences?” *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 2. pp. 654–661. DOI: 10.1086/psaprocbienmeetp.1982.2.192450
5. Field, H. (1978) Mental Representation. *Erkenntnis*. 13. pp. 9-61. DOI: 10.1371/journal.pone.0134555
6. Kripke, C. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Individual Language]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Block, N. (n.d.) *Semantics, Conceptual Role*. DOI: 10.4324/9780415249126-W037-1.